

Тин Юйшу, услышав предложение стать наставником для Лоу Чжицю, не выказал особого удивления — казалось, сама мысль о том, чтобы помогать тому в игре, не виделась ему чем-то странным. И всё же он решительно отказался:

— Прости. Я уже принял решение уйти из профессионального спорта.

Лоу Чжицю не стал выражать сожалений, а лишь прямо спросил:

— Почему ты решил уйти?

Тин Юйшу не собирался ничего скрывать:

— Ты ведь видел мои игры в прошлом сезоне. Я повредил правую руку. С таким уровнем я больше не смогу выступать на профессиональной арене.

Лоу Чжицю на мгновение замолчал, словно обдумывая услышанное.

После короткой паузы он мягко поинтересовался:

— А что ты планируешь делать после ухода? Уже решил?

Тин Юйшу встретился с ним взглядом, затем перевел глаза на детей, играющих на лужайке, и подавил нахлынувшие чувства.

Реакция Лоу Чжицю была слишком спокойной. Ни один фанат Тин Юйшу не смог бы остаться невозмутимым, услышав о его уходе, тем более что предложение вступить в команду только что было отвергнуто. Но Лоу Чжицю вел себя так, будто просто проявлял дружеское участие, не задавал лишних вопросов, не пытался уговаривать и не выказывал никакого волнения, оставляя Тин Юйшу достаточно личного пространства.

Эта тактичность и искренняя забота тронули Тин Юйшу.

Он едва заметно покачал головой:

— Еще нет.

Лоу Чжицю улыбнулся:

— Ничего страшного. Дойдем до моста — перейдем, жизнь ведь и состоит из того, чтобы делать шаг за шагом.

Он добавил:

— Ты ведь удивился, когда узнал, что я профессиональный киберспортсмен?

Тин Юйшу коротко хмыкнул.

Лоу Чжицю легко сменил тему:

— В прошлом году я поступил в университет, сдал экзамены неплохо, так что семья разрешила мне взять академический отпуск, чтобы заняться киберспортом.

Хотя Тин Юйшу не считал, что хорошие оценки — веский довод для перерыва в учебе, он всё же ответил:

— Должно быть, ты и играешь неплохо.

Он говорил искренне: Лоу Чжицю казался тем типом людей, которые, решившись на что-то, выкладываются до конца.

Лоу Чжицю не ожидал похвалы и рассмеялся:

— Всё благодаря тому, что я с детства прогуливал уроки в интернет-кафе. Думаю, мой навык позиционирования в игре — это заслуга привычки быть начеку, чтобы не попасться, когда удирал с занятий.

Услышав эту шутку, Тин Юйшу, чьи глаза обычно не выражали никаких эмоций, слегка смягчился.

— Знаешь, была одна забавная история. Когда я учился в средней школе, то частенько сбегал в компьютерный клуб. И вот однажды нагрянула проверка. Хозяин клуба прибежал ко мне, кричит: уходи быстрее, прячься, я тебе деньги за время верну! А я ему: не могу, матч решающий, от него зависит, повышу я ранг или нет, не уйду. Приходит полиция, видит, что хозяин пытается меня оттащить, а я вцепился в клавиатуру. Только они собрались подойти, я как вскочил, обнял хозяина и давай причитать: Дядь! Ну дай поиграть еще немного! Мы же свои, у нас же свой клуб, неужели я не могу поиграть? У хозяина челюсть отвисла.

Лоу Чжицю рассмеялся, вспоминая тот день:

— Потом он сообразил, что к чему, и подыграл мне: Опять ты за свое! Мать скоро вернется, вот она тебе устроит, иди уроки делай, не мешай работать! А полицейским говорит: Да это племянник, уперся, играть хочет. Поняли, что это семейные разборки, проверять документы не стали — кто там разберет, какая именно родня. Пожурили немного и ушли. Помню, мы тогда с хозяином переглянулись с таким взаимопониманием.

— А в следующем семестре... в общем, вышло неловко. Оказалось, что этот хозяин — мой новый классный руководитель.

На лице Лоу Чжицю отразилась смесь смущения и невольной улыбки.

— Мы, школьники, тогда любили казаться крутыми, одевались как неформалы. Хозяин в клубе тоже выглядел как байкер средних лет. А в школе встретились: я в школьной форме, он в строгом костюме. Стоим друг напротив друга, не знаем, как обратиться. Сказать Учитель — странно, сказать Хозяин — в школе еще нелепее.

В глазах Тин Юйшу промелькнула искра веселья.

— Самое сложное было решить, стоит ли мне вообще к нему ходить. Днем в школе мы делали вид, что всё официально, а в клубе — не пойми как общаться. Я какое-то время не ходил, потому что другие клубы были далеко. А после экзаменов он вызвал меня в кабинет и замялся: мол, сдал ты неплохо, иногда можно и расслабиться, поиграть. Я всё понял.

— С тех пор я начал вести себя нагло: Учитель, принесите воды, спасибо! Учитель, заварите лапшу! Учитель, продлите еще на час! На самом деле, думаю, он разрешал мне играть только потому, что я был лучшим игроком, все тянулись ко мне, и выручка в клубе росла — он ведь наживался не только на моих деньгах, но и на всей нашей компании.

— Но он всё же педагог, мой классный руководитель, так что не давал мне расслабляться. Вечно выгонял домой, а самое обидное — если другие просто платили деньги, то я должен был приходить с портфелем и сначала показывать ему домашку, чтобы он разрешил поиграть.

Лоу Чжицю, вспоминая это, не удержался и посмотрел на Тин Юйшу, ожидая увидеть ту же реакцию, но вдруг заметил, что тот улыбается.

Это была первая настоящая улыбка, которую Лоу Чжицю увидел с момента их встречи.

Тин Юйшу улыбался тихо: его глаза превратились в полумесяцы, а в темных, как древний омут, зрачках заиграли искорки, словно отражение звезд в прозрачной воде. Уголки губ приподнялись в мягкой, нежной дуге.

Он напоминал горный ручей, наконец пробившийся сквозь весенний лед — живой, журчащий, бьющийся о камни и наполняющий душу свежестью.

Лоу Чжицю и раньше видел улыбки Тин Юйшу, но то были лишь дежурные выражения лица для коммерческих мероприятий, когда его использовали как рекламную куклу. Лоу всегда чувствовал, что за той улыбкой скрывалась пустота, будто она была лишь оболочкой.

Он всегда считал Тин Юйшу красивым, но сейчас впервые осознал, насколько прекрасной может быть его искренняя улыбка. Сердце Лоу Чжицю на мгновение замерло, сбившись с ритма. Он подумал, что это естественная реакция любого человека на что-то по-настоящему красивое.

Из уважения к этой красоте Лоу Чжицю отвел взгляд и вдруг предложил:

— Ты не спешишь сегодня вечером? Может, останешься? У одного друга Цайяна день рождения.

Вечеринка проходила в классе, где занимались Тин Цайян и другие дети. Волонтеры и медсестры отодвинули столы, освободив место в центре, стены и окна украсили лентами и шарами. Столы расставили кругом, чтобы каждый ребенок мог сидеть рядом со своими родителями или сопровождающими.

На доске цветными мелками был нарисован детский рисунок с поздравлениями. Волонтеры в костюмах кукол раздавали детям угощения.

Тин Юйшу и Лоу Чжицю сидели по обе стороны от Тин Цайяна, словно его родители.

Именинник — тринадцати-четырнадцатилетний мальчик — был одет в больничную пижаму, которая казалась на нем огромной. Было видно, что его тело местами сильно опухло, в то время как остальные части истощены до предела — он совсем не походил на ребенка своего возраста. Под аплодисменты он застенчиво и с трудом вышел в центр, а медбрат присматривал за ним, чтобы тот не упал.

Мальчик представился: его звали Сун Аньань. Он рассказал, что любит родителей, учителей, медбратьев, медсестер, волонтеров и своих друзей, перечислив длинный список имен.

Сун Аньань сказал, что сегодня самый счастливый день в его жизни, и он хочет, чтобы все вокруг тоже были счастливы.

Ближе к концу голос его дрогнул, и он прошептал:

— Меня зовут Сун Аньань. Я хочу сказать это еще раз. Надеюсь, вы все будете помнить меня.

У многих присутствующих на глазах выступили слезы. Мама мальчика уткнулась в плечо плачущего мужа, беззвучно содрогаясь.

Все знали: для Сун Аньаня это, возможно, последний день рождения. Рак костей диагностировали у него еще в раннем детстве. Он никогда не бегал, как обычные дети, его мир ограничивался окном, а жизнь проходила в коробке из стали и бетона.

Возможно, когда придет осень, Сун Аньань увянет, как опавший лист.

Лоу Чжицю вспомнил, как однажды гулял с Тин Цайяном и они вышли к залитой солнцем лужайке у больничного корпуса. Там была высажена целая грядка самых разных цветов, огороженная маленьким забором, чтобы никто не наступил.

Лоу Чжицю никогда не видел такого хаотичного цветника — почти не было двух одинаковых растений, но за ними ухаживали с такой любовью. Рядом стояли самодельные таблички, призывающие беречь цветы.

Любопытствуя, он спросил об этом Тин Цайяна.

Тин Цайян ответил, что каждый раз, когда кто-то из их маленьких друзей уходит, они сажают цветок, который тот любил больше всего, и называют его именем друга.

Учительница, помимо уроков, увлекалась садоводством и верила, что у каждого цветка есть душа. Когда один из детей внезапно умер, все были безутешны, и она предложила детям сажать цветы в память об ушедших.

Они учились ухаживать за растениями, и для них любой признак жизни этих безмолвных существ был весточкой от друзей.

Шли годы, цветы росли.

Тин Цайян грустно добавил, что Аньань был его лучшим другом, и он совсем не хочет сажать цветы в память о нем.

Однажды, когда Тин Цайян после обморока лежал в реанимации, врачи не разрешали друзьям навещать его. Медсестра передала ему просьбу посмотреть в окно.

Тин Цайян подошел к стеклу и увидел на лужайке друзей, которые выложили из обрезков ткани, цветной бумаги и подручных материалов неровную надпись: «Сяо Ян, держись!»

Сун Аньань стоял рядом с восклицательным знаком и, увидев в окне Тин Цайяна, сиял так, что глаз не было видно, и отчаянно махал обеими руками.

Выслушав Тин Цайяна, Лоу Чжицю замолчал, а потом сказал:

— Пока всё не закончилось по-настоящему, не теряй надежды. Моя бабушка была очень старой, когда у нее нашли неизлечимую болезнь. Врачи говорили, она не протянет и года, но она прожила еще один, потом другой... Так прошли годы, в этом году уже седьмой. На днях она звонила мне, звала на праздник лепить пельмени. Так что не унывай раньше времени.

— Люди всегда мечтают прожить сотню лет, но в потоке времени, по сравнению с вечной Вселенной, мы малы, как пылинки. Какая разница, один год или сто? Смерть — это судьба, от которой никому не уйти. Мы лишь песчинки в мироздании, не более чем поденки.

— Но почему же тогда мы, такие крошечные, так отчаянно цепляемся за жизнь? Потому что, придя в этот мир, мы обретаем свой смысл. Никто не скажет тебе, в чем он, нет нужды сравнивать себя с другими. Мы должны прочувствовать это сами, пока у нас есть время.

— И еще, — Лоу Чжицю наклонился и нежно погладил Тин Цайяна по голове, — Сяо Ян, не бойся разлуки. Ты слышал легенду о том, что после смерти люди становятся звездами на небе? Это правда.

— Мы все состоим из звездной пыли. Каждая частица — это крошечная звезда, кружащаяся в туманностях космоса. Когда рождаются новые галактики, мы попадаем на Землю и становимся живыми существами. А когда умираем, снова превращаемся в звездную пыль и разлетаемся по всем уголкам мира. И когда солнце догорит, оно схлопнется.

— В момент взрыва сверхновой всё превратится в великолепную туманность, элементы ионизируются, и когда они вспыхнут ослепительным светом, мы снова встретимся в этом сияющем звездном ветре.

<http://bllate.org/book/20803/2091016>